

На правах рукописи

БОЛЬШАКОВ Александр Дмитриевич

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СУБСТАНТИВОВ С КОНКРЕТНЫМ
ЗНАЧЕНИЕМ В АГИОГРАФИЧЕСКОЙ И ДИДАКТИЧЕСКОЙ ЧАСТЯХ
СЛАВЯНСКОГО ПРОЛОГА (XV – XVII ВВ.)**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Нижний Новгород – 2017

Работа выполнена на кафедре истории русского языка и сравнительного славянского языкознания Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Научный руководитель –

доктор филологических наук, профессор **Клименко Людмила Павловна**

Официальные оппоненты:

Пименова Марина Васильевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых»;

Малыгина Галина Евгеньевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная медицинская академия» Минздрава России

Ведущая организация –

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»

Защита состоится «_____» _____ 2017 г. в _____ ч. на заседании диссертационного совета Д 999.061.03 на базе ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина», ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева» по адресу: 603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке ННГУ по адресу: 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23 и на сайте <http://diss.unn.ru>.

Автореферат разослан «___» _____ 2017 года.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Юхнова Ирина Сергеевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование выполнено в рамках деятельности лаборатории палеославистических исследований, работающей с нижегородской коллекцией рукописных и старопечатных книг фундаментальной библиотеки ННГУ им. Н.И. Лобачевского (далее – ФБ ННГУ). Для анализа было привлечено **4 рукописи**: Пролог № 933757 ФРЦИ ФБ ННГУ, содержащий 2 фрагмента – XVI и XVII вв., – как древнейшая в собрании (фрагмент XVI в.); Пролог № 719 ф.304.1 НИОР РГБ – как позволяющая восстановить первоначальный состав нижегородского Пролога XVI в.; Пролог № 717 из того же собрания – как Пролог стишной, а нам известно, что печатное издание Пролога (1641 г.) в части особенностей языка восходит именно к стишным Прологам. Таким образом, **хронологические рамки** исследования очерчиваются периодом с XV по XVII вв. включительно. Августовские части этих рукописей и являются **материалом** исследования, который определяет **новизну** исследования: ни один из указанных Прологов до сих пор не был опубликован, и данные тексты, за исключением стишного Пролога ТСЛ, еще только вводятся в научный оборот.

Степень разработанности проблемы. При встрече с Прологом как памятником древнерусской книжности встает задача описания его именно как памятника, что включает в себя и палеографические приметы, и описание состава. Прежде всего, это археографические и палеографические описания (А.Х. Востоков, В.М. Ундольский). Происхождением и составом Пролога занимались Е.В. Петухов, Н.И. Петров, М.О. Скрипиль, М.Н. Сперанский, В. Мошин (Югославия), архм. Сергей (Спасский). Подробно относительно датировки древнейших Прологов высказывались Е.А. Фет, Н.И. Лебедева, О.В. Лосева, Л.В. Прокопенко, С.А. Давыдова, Л.П. Жуковская и др. Кроме того, Л.П. Жуковской рассматривались лингвотекстологические проблемы, а также вопросы, связанные с изучением т.н. «второго южнославянского влияния» и архаизации русской графики.

Исследования последнего времени посвящены также проблеме истории и места перевода Пролога, составу конкретных списков, особенностям отдельных

чтений и др., но все они так или иначе связаны с проблемой редакционной принадлежности того или иного конкретного списка (Э.А. Гордиенко, И.Н. Лебедева, О.В. Лосева, И.И. Макеева, В. Мошин, Н.И. Петров, Е.В. Петухов, А.И. Пономарев, Л.И. Сазонова, Ю.С. Самодурова, Е. Сморгунова, Н.М. Сперанский, А.А. Турилов, М.Г. Уртминцева, Е.А. Фет, М.В. Чистякова, О.П. Шевчук, И.А. Шилова, О.Г. Щеглова, за рубежом – Г. Петков, Л. Тасева (Болгария)). Отдельно можно упомянуть исследование С.А. Давыдовой, посвященное отражению духовной и церковной жизни средневековых христиан. Имеются и более близкие к собственно лексикологическим исследованиям некоторых зарубежных ученых (П.С. Кривчев, А. Тихова (Болгария), К. Трајкова (Македония)). Также здесь следует упомянуть и изыскания вышеупомянутой лаборатории палеославистических исследований, в рамках работы которой проводилось настоящее исследование. Среди них – работы палеографического, графологического, морфологического, синтаксического, стилистического, текстологического и концептологического характера (И.Ю. Абрамова, Э.Н. Акимова, М.С. Богусевич, Л.П. Клименко, Е.А. Колтунова, Е.С. Курзина, Т.Д. Маркова, О.Ю. Шавлюк).

В свою очередь, данное диссертационное исследование обращается к самому тексту Пролога как к объекту лингвистического исследования, что составляет **актуальность** научного исследования. **Объектом** внимания является лексика с конкретным значением, **предметом** – особенности ее функционирования в разных частях Пролога (агиографической и дидактической) в историческом развитии. Отдельные лексикологические труды на материале проложных чтений известны как в России (Л.И. Шелепова, О.Г. Щеглова), так и за рубежом (П. Кривчев, А. Тихова, К. Трајкова), однако либо они довольно узки в плане рассматриваемого языкового материала, либо проложный материал привлекается только как один из источников. В настоящей же работе предлагается анализ всего разряда конкретных существительных, притом сравнительно – как синхронически: в рамках двух разных частей Пролога для

каждой отдельно взятой рукописи, так и диахронически: в их исторической изменчивости.

Указанный подход обусловил общую **цель** работы: *выявить специфику функционирования имен существительных с конкретным значением в различных по тематике и характеру изложения частях Пролога – агиографической и дидактической – в диахроническом аспекте в ракурсе рассмотрения своеобразия проложной формы изложения.*

В ходе исследования потребовалось решение следующих **задач**:

- 1) определить корпус чтений августовской части, составляющих конкретные списки Прологов XV – XVII вв.
- 2) выявить в текстах и извлечь пласт лексики с конкретным значением;
- 3) установить тематическую организацию лексики;
- 4) исследовать системные отношения в имеющихся лексико-тематических группах;
- 5) провести элементарный количественный анализ исследуемой лексики с конкретным значением;
- 6) сравнить полученные для разных частей Пролога количественные результаты;
- 7) сравнить репрезентацию лексико-тематических групп в агиографической и дидактической частях Пролога;
- 8) сравнить полученные данные по диахронической оси;
- 9) выявить связь функционирования конкретных субстантивов с жанровой спецификой проложных чтений.

В соответствии с данными задачами в ходе исследования применялась и соответствующая **методология**. Прежде всего, при извлечении лексического материала была использована методика сплошной выборки, поскольку таковая представляется наиболее точной для количественного анализа, хотя бы и была достаточно трудоёмкой. Также были использованы дескриптивный и компаративный методы. Такое сочетание, на наш взгляд, предоставляет наиболее высокую степень **достоверности** получаемых в ходе работы результатов.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в ракурсе рассмотрения полученных результатов, которые позволяют утверждать, что в плане соотношения лексических систем агиографических и дидактических чтений стишной Пролог даёт картину, аналогичную Прологу простому, хотя в последнее время возобладала точка зрения Г. Петкова на простые и стишные Прологи как на памятники, отличающиеся и по времени возникновения, и по особенностям бытования в славянской литературе, и по своим структурным признакам, хотя нельзя не отметить одинаковый календарный принцип их составления. То есть полученные результаты могут быть использованы в качестве лингвистического *аргумента* при постановке *проблемы жанра* проложного чтения и/или специфики проложного чтения как особой формы изложения (безотносительно к справедливости указанной гипотезы Г. Петкова).

Кроме того, в рамках данной работы для стишного Пролога, как и для Простого, предполагается внутренний изоморфизм агиографической и дидактической частей, хотя известно, что в стишном Прологе, с одной стороны, стихами предварялись только жития; с другой же стороны – сами эти стихи могли полностью замещать собою житийное чтение, а значит, соотношение дидактики и агиографии стишного Пролога должно быть отличным от Пролога простого в силу наличествующего отличия друг от друга их агиографических частей.

Практически результаты диссертационного исследования могут применяться в учебно-педагогической работе: например, в вузовских курсах по истории древнерусского и/или церковнославянского языков, в спецкурсах по исторической лексикологии русского и/или церковнославянского языков, исторической поэтики, поэтики жанра проложного чтения. Кроме того, в ходе работы с текстом древнейшего в нижегородской коллекции Пролога составлен и подготовлен к печати полный словоуказатель (индекс).

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Лексика составляющих Прологи чтений характеризуется системностью, которая обнаруживается в наличии взаимосвязанных лексико-

тематических групп, имеющих прогрессивную дифференциацию, хотя некоторые иерархические элементы не всегда оказываются эксплицированы.

2. В силу специфики своей структуры и поэтики, стихной Пролог представляет несколько отличное распределение лексики в сравнении с Прологами простыми (нестихными), однако содержательно, то есть в смысле наиболее характерных для той или иной части – агиографической или дидактической – лексико-тематических групп, стихной Пролог дает картину, аналогичную Прологам простым (нестихным).

3. Имеющиеся незначительные колебания в количественном распределении лексики по разным частям Пролога стремятся к нивелированию, притом на уровне содержательном наблюдается факт изоморфизма агиографической и дидактической частей как в Прологах простых (нестихных), так и в Прологе стихном.

4. Имеющиеся различия в репрезентативности тех или иных лексико-тематических групп объясняются спецификой реализации общей для агиографической и дидактической частей задачи назидания.

5. Функционирование субстантивов конкретной семантики в исследованных рукописях отражает специфику проложной формы изложения материала как в агиографической, так и в дидактической частях.

Апробация работы.

Результаты исследования представлены в ряде статей и докладов на конференциях: международная научная конференция «Историческая русистика и славянское языкознание в начале XXI века: проблемы и перспективы», Нижний Новгород, 26-27.09.2013; региональная с международным участием конференция «XIX Нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки», Арзамас, 21-24.10.2014; II международная научная конференция «Аксиология славянской культуры», Нижний Новгород, 10.12.2015; региональная с международным участием конференция «XXI Нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки», Арзамас, 25-28.10.2016, III международная научная конференция «Аксиология славянской культуры», Нижний Новгород, 14.12.2016.

Композиционно работа состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, библиографического списка, включающего 180 наименований, из которых 19 на иностранных языках, и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава первая «Пролог как явление древнерусской книжности (историко-литературная справка)» посвящена общей характеристике источника исследования – Прологу.

В §1 «Характеристика Пролога» приводится описание сборника. Пролог – это славяно-русский четый сборник литургико-дидактического характера, свод кратких житий святых и творений отцов Церкви, упорядоченных в годичном порядке византийского календаря. На каждый день года обыкновенно приходится несколько житий и памятей святых, поэтому сам Пролог являл собой книгу весьма объемную, ввиду чего разделенную впоследствии на два тома по полугодиям, после чего части Пролога переписывались самостоятельно в абсолютной независимости друг от друга. Вместе с житиями святых в Прологе располагались *памяти* святых – упоминания о преставлении или прославлении какого-либо святого без последующего текста его жития, что отличало Пролог от Минеи Четых. В конце помещались поучительные статьи, а впоследствии, на древнерусской почве, в Пролог стали включать под разными датами и чтения легендарного характера. Иногда в Пролог вносился материал конкретной местности создания или бытования рукописи (как правило, из области религиозного фольклора).

Изначально Пролог (как и его предшественник – Синаксарь) задумывался как вспомогательная богослужбная книга, т.к. на богослужении положено читать для прихожан жития празднуемых святых. На заре христианства это имело форму проповеди, но в эпоху гонений невозможным стало проводить богослужения во всей их торжественности и службы приходилось сокращать. Вместе с потребностью в сокращении возникла и острая потребность в сохранении, причем требовалось сохранить только какой-либо элемент богослужения, но и его смысл. Соответственно, нужно было выбрать форму краткую, но емкую, выразительную.

Установка на краткость, порой граничащую с сухой протокольностью, сделана уже в предисловии Пролога (*«вкратце поведание святых житий»*). Однако вместо сухости проложная форма изложения приобрела лаконичность. Будучи краткой фактографической записью, проложное житие вырисовывало светлый образ святого, легко воспринимаемый слушателем/читателем. С этой точки зрения проложное житие выигрывало у жития минейного, которое могло занимать от десятков до сотен листов. Житие в Прологе занимало до нескольких десятков строк, но при этом в нем были четко видны назидательные установки, и тем самым проложное житие решало задачу дидактическую. Такая форма способствовала лучшему представлению, изложению и осознанию новых этико-эстетических норм, культивации правил поведения, культуры быта и праведности бытия.

Таким образом, краткая проложная редакция жития в определенной степени оформилась как особая литературная форма, обладающая своей спецификой и функциональной нагрузкой, которая по сию пору остается актуальной и является наиболее адекватной нашему времени, наиболее востребованной в эпоху информационного общества и наиболее близкой современному читателю/слушателю.

В §2 **«История Пролога»** рассматривается генезис и развитие Пролога. Происхождение Пролога и само его возникновение до настоящего времени активно дискутируется в науке. Латинское его название – *Martyrologium*, т. е. «Чтения о мучениках» или «Слово о мучениках» (от греч. *μάρτυς* + *λόγος*), – по всей видимости, передавало специфику Пролога в самую раннюю эпоху его существования: изначальный Пролог являл собою свод кратких повествований о мучениках. Необходимость таких сводов диктовалась литургической жизнью ранней Церкви, т.к. в эпоху гонений богослужение было привязано к катакомбам и могилам мучеников, а это, в свою очередь, требовало даты и чина (лика) поминовения. Постепенно же распространилась повсеместно и традиция чтения мученического «жития», которое в те времена представляло собой выдержку или пересказ мученических актов. После окончательного утверждения почитания

святых и икон возникла необходимость установления единого сонма святых, в результате работы над которыми и появились многочисленные варианты Мартирологов и Синаксарей.

Точные время и место перевода Минология Василия Болгаробойцы (непосредственного греческого оригинала) на славянский язык неизвестны. Согласно архим. Сергию, (Спасскому), А.И. Соболевскому, В.А. Мошину, Синаксарь переводился не позднее нач. XII в. на Руси. М.Н. Сперанский утверждает, что перевод этот осуществлялся совместно русскими и южнославянскими переводчиками, и притом именно в Константинополе, и уже после в него были внесены памяти русских святых. Компромиссной представляется точка зрения Н.И. Петрова, который говорит, что русские и болгарские книжники переводили разные варианты Пролога, впоследствии объединенные.

Славянский Пролог существовал в трех вариантах: две редакции простого (нестишного) Пролога и Пролог стихной. Редакции простого Пролога – краткая и пространная – отличаются одна от другой расположением святых как относительно календаря, то есть под разными датами, так и друг относительно друга, то есть в разных иерархиях. Вопрос первичности той или иной редакции до сих пор остается нерешенным. Стишной Пролог отличался от Прологов простых прежде всего наличием предваряющих (а иногда и замещающих) житийные чтения стихов, и, кроме того, как указывают исследователи, более искусным языком сказаний, в связи с чем агиографический раздел стихных Прологов зачастую превышает Прологи простые. Стишной Пролог получил широчайшее распространение на Балканах, тогда как на Руси не только не смог вытеснить уже ставший весьма популярным простой Пролог, но даже не сравнялся с ним по числу списков. Однако же в XVII в. чтения стихного Пролога, прежде всего в части особенностей языка, были положены в основу славянского печатного Пролога, вышедшего в свет в 1641 г.

§ 3 «Источники исследования и принципы работы с ними» посвящен рассмотрению отдельных рукописей и их особенностей. Для удобства были

приняты следующие обозначения рукописей: **Н16** – фрагмент XVI в. из рукописи № 933757 (ННГУ); **Н17** – фрагмент XVII в. из той же рукописи; **М16** – Пролог XVI в. из собрания Троице-Сергиевой лавры; **М15** – Пролог XV в. из того же собрания. Ни один из указанных памятников не имеет издания, и исследование проводилось на основе оцифрованных копий. Прологи из собрания Троице-Сергиевой лавры представляют собой цельные манускрипты, в то время как Пролог из коллекции фундаментальной библиотеки ННГУ является конволютом: в один переплет с рукописью XVII в. вшита тетрадь XVI в., поэтому для Пролога № 933757 следует различать 2 самостоятельных фрагмента – XVI и XVII вв. соответственно.

Рукопись М15 датируется 1429 г., однако Л.П. Жуковская высказывала сомнения относительно этой датировки. Стишной Пролог. Содержит 175 записей: 58 агиографических чтений, 25 дидактических, 92 памяти; объем августовской части – 148 листов. Рукопись содержит широкий спектр фактов, традиционно считающихся признаками «второго южнославянского влияния» (употребление нейотированного *A* на месте фонетического [ja], превокального *İ*, восстановление *Ь* на месте *E* в неполногласных рефлексах, восстановление южнославянской рефлексии **dj*, мена *Ъ > Ъ* в ауслауте по сербскому образцу, употребление (зачастую гиперическое) *Ѣ* и *S*. Кроме того, в рукописи представлен ряд черт, свойственных памятникам старославянского языка старшего периода: архаические флексии именных и нестяженных членных прилагательных и причастий, 1 л. мн.ч. *ргаes. есмь* (< *есмь* с учетом мены *Ъ > Ъ* в финали), нестяженный имперфект. Вместе с тем в тексте памятника отражается и восточнославянская языковая стихия, носителем которой, очевидно, и являлся переписчик: инициальные *роз-*, *у-*, рефлекс Ч на месте **tj*, II русское полногласие, отвердение <ц>). Ряд фактов нельзя с полной уверенностью отнести к восточнославянским, поскольку подобное встречается и в южнославянских рукописях, в том числе и древнейших: эпентеза в группе **sr*, колебание и взаимная замена *в-* и *у-*, возможно, фрикативное [γ], отвердение шипящих. Однако помимо этого в рукописи можно наблюдать свыше шести десятков фактов

(графико-орфографических, грамматических, словообразовательных, лексических), появление которых может быть объяснено не просто приемами и традициями письменности своего времени, а наличием южнославянского источника. Встречаемость этих фактов имеет сквозной характер: те или иные явления, формы, слова, конструкции не сосредотачиваются в каком-либо ограниченном количестве чтений какой-либо определенной группы текстов, но обнаруживаются во всем текстовом пространстве Пролога и практически под каждым числом. Таким образом, можно заключить, что переписчик, хотя и был носителем одного из говоров восточнославянского языкового ареала, имел перед глазами южнославянский протограф. Данный материал, помимо установления происхождения рукописи, имеет ценность и в ракурсе рассмотрения истории печатного Пролога, и прежде всего – его лексического состава, поскольку печатные издания Пролога во многом восходят именно к Прологу стишному.

Рукопись М16 датируется XVI в. Простой Пролог. Содержит 110 записей: 66 агиографических чтений, 34 дидактических, 10 памятей. Объем августовской части – 128 листов. Какое-то время рукопись бытовала на территории Нижегородского уезда. Рукопись была привлечена как предположительно возможный источник восстановления первоначального состава августовской части Пролога из собрания ФБ ННГУ, в котором листы с началом и окончанием чтений за август месяц утрачены, в соответствии с этим замечания о ней высказаны ниже в сравнении с Прологом Н16.

Пролог № 933757 (ННГУ). Простой Пролог. Рукопись является конволютом и содержит при этом хронологические разные фрагменты – XVI и XVII вв.: фрагмент XVII в. сохранился полностью, в то время как фрагмент XVI в. имеет механическую утрату листов, причем фрагмент XVII в. не является копией фрагмента XVI в. Последний факт имеет весьма существенное значение, поскольку позволяет сравнивать тексты этих двух Прологов как не находящиеся во взаимной зависимости один от другого, т.е. не вступающие в отношения «протограф – список». Соответственно, в упомянутом Прологе относительно августовских чтений следует различать *два самостоятельных текста*. **Рукопись**

Н17 содержит 145 записей: 74 агиографических чтения, 50 дидактических, 21 память. Объем августовской части рукописи – 204 листа. **Рукопись Н16** содержит механическую утрату листов: до начала жития мч. Елевферия и с окончания жития мч. Агафоника, Зотика. Поскольку неполнота памятника неизбежно порождает и неполноту фактографического материала, для сравнения была привлечена хронологически близкая упомянутая выше рукопись М16. В результате было установлено, что обе рукописи практически идентичны в своем составе, полностью идентичны в особенности расположения чтений и принадлежат к одной редакции (II пространной), а также содержат одинаковую языковую специфику (употребление юса большого, супина, утрата инициального *j*- в АссРІг местоимения **jь*, ненормативное пояснение редуцированного в суффиксе архаических форм действительного причастия прошедшего времени глаголов IV класса). Пролог XVII в. указанных особенностей не содержит. Таким образом, сделан вывод о возможности использования Пролога из собрания Троице-Сергиевой лавры для установления состава нижегородского Пролога.

Глава II «Принципы работы с лексическим материалом» посвящена приемам отбора, систематизации и анализа лексического материала.

В **§1 «Принципы отбора лексического материала»** излагается аргументация выбора лексики и описываются приемы ее извлечения. Объектом исследования были выбраны имена существительные с конкретным значением, что продиктовано, прежде всего, спецификой жития как жанра. Событийная часть канонических житий представлена устойчивым набором топосов, при этом обобщенность изображения героев и событий в житийной литературе не лишает жития конкретно-исторических черт, которые отображаются в тексте жития посредством описания условий жизни святого: историко-культурных, социально-бытовых и т.д. Условия эти имеют выражение в окружающем персонажа предметном материальном мире, который в системе языка передается именно именами существительными. Однако же и сами имена существительные в своем составе неоднородны: они включают в себя не только названия отдельных предметов материальной действительности, но и номинации вещей,

вычлененных из множества единиц, а также опредмеченных действий, состояний и таких понятий, которые ничем, кроме мысли, не объединены. Соответственно, в качестве объекта исследования, в силу их способности наиболее полно передавать конкретно-исторические детали, были выбраны имена существительные с конкретным значением. Извлечение их из текстов проложных чтений осуществлялось методом сплошной выборки, который представляется дающим наиболее точную картину при получении количественных данных. Однако здесь следует подчеркнуть, что лексика извлекалась именно из чтений, и в выборку, таким образом, не вошли стихи (как могущие рассматриваться в качестве отдельного жанра или поджанра в одном ряду с прокимнами, эксапостилариями и т.д. и, кроме того, способные замещать собою само предваряемое чтение), заголовки (как не относящиеся к самому тексту чтения и потому вариативные не только в плане синонимических замен, но и в плане наличия того или иного элемента), памяти (как не являющиеся чтениями и, по сути, примыкающие к заголовкам), вставные молитвы (как не удовлетворяющие ни агиографическому, ни дидактическому дискурсу).

§2 «Общие замечания о системности лексики как уровня языка»

посвящен системности языка в целом и его лексического уровня в частности. Представления о системном характере языка как такового спорадически отмечаются на протяжении всей истории лингвистической мысли, однако глубокое и последовательное изучение внутренней организации языка, то есть именно того, что описывается в терминах «система» и «структура», началось лишь во второй половине XIX в. и оформилось в отдельную теорию к середине XX в. в связи с утверждением в науке системного подхода. Идеи системного характера языка в целом и его лексического уровня в частности подробно разработаны в трудах Ф. де Соссюра, Ф.Ф. Фортунатова, А.И. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Реформатского, Л.М. Васильева, С.О. Карцевского, Л.П. Клименко, А.А. Ветрова, А.А. Уфимцевой, Н.М. Шанского, Д.Н. Шмелева, Е.В. Прониной, В.А. Белошапковой, Р.М. Цейтлин и др.

Однако стоит заметить, что ряд исследователей, как, например, Л.И.Шелепова, Ф.П. Филин, А.А. Новиков, относительно исчерпывающего описания именно лексического уровня как системы и системной единицы высказывается подчеркнуто пессимистически. Тем не менее, в лексике можно обнаружить основные признаки системы, как-то: холистичность, членимость, реляционизм, идиоматичность, синтагматико-парадигматические отношения составляющих элементов и их иерархичность.

§3 «Тематическая организация лексики» посвящен теоретическим аспектам классификации лексики. М.М. Покровский отмечал, что слова соединяются в различные группы и основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению». Ф.П. Филин полагал, что в лексико-семантические группы (ЛСГ) лексика объединяется именно в силу наличия между единицами гипо-гиперонимических отношений и отношений синонимии/антонимии, наблюдающихся между согипонимами. Кроме того, лексика способна объединяться также и в лексико-тематические группы (ЛТГ), которые составляются, в отличие от ЛСГ, по экстралингвистическим основаниям, притом единых оснований для классификации, по утверждению Л.М. Васильева, лексики нет.

Глава III «Функционирование конкретных субстантивов в исследуемых Прологах» содержит полученные в ходе исследования данные.

В **§1 «Предварительные замечания»** оговариваются предварительные замечания, которые носят характер комментариев относительно выделения той или иной конкретной ЛТГ и подсчета словоупотреблений. С учетом специфики памятника была выделена 31 ЛТГ (см. *табл. 1*; фотোগрафический материал приведенными примерами не ограничивается), каждая из которых имеет разную степень репрезентативности.

Таблица 1. Иерархические связи лексико-тематических групп

ЛТГ (с учетом промежуточных ступеней дифференциации)				Некоторые примеры		
Мир	Формальные хар-ки предметов	Метрико-параметрические	Абсолютные	Перцептивные	<i>имя, глас</i>	
				Количественно-измерительные	<i>литр, лето, множество, тма, час, день</i>	
			Относительные		<i>верх, конец, предел, среда (μέσος)</i>	
		Конструктивные		Соматонимы	<i>око, кость, зуб, чрево, глава, нос, рука</i>	
			Конструктивные эл-ты предмета	<i>везь, остень, часть, ветвь</i>		
	Наименования объектов	Живая природа	Фитонимы			<i>овощ, финик, цветцы, яблоко</i>
			Зоонимы	Орнитонимы	<i>вран, орел</i>	
				Домашние животные	<i>телец, вол, конь, овця</i>	
				Дикие животные	<i>волк, векша, лев</i>	
				Энтомо- и серпентонимы	<i>змиий, пчела, скоропия, червь</i>	
		Неживая природа	Земные реалии	Пространства	Естественный ландшафт	<i>езеро, река, пещера, море, село (πεδίο)</i>
					Искусственный ландшафт	<i>гумно, ров, сад, путь</i>
				Населенные пункты	<i>весь ('χωριό'), град ('πόλις'), село (χωριό)</i>	
				Территориальные единицы	<i>страна, епископия, метохия, область</i>	
				Предметы	Профанная утварь	<i>светильникъ, дщица, ссуд, керемида</i>
			Сакральная утварь		<i>икона, кадело, ковчег, сионь ('κιβώριον')</i>	
			Одежда		<i>понява, риза, срачица, вретнице</i>	
			Профанная архитектура		<i>дом, полата, стена, оконце</i>	
			Сакральная архитектура		<i>скиния, олтарь, црькы ('κυριακή')</i>	
			Оружие, орудия казни	<i>меч, палица, сковорода, крест, уза</i>		
		Средства передвижения	<i>корабль, лодья, колесница</i>			
		Метео-астрономические реалии	<i>град ('χαλάζι'), облако, слънце, мълнии</i>			
Человек	Абсолютные	Сотериология	Агио- и аксиология	<i>миолстивец, мученик, братолюбец</i>		
			Амартиология	<i>блудникъ, тать, мздоимец, пьяница</i>		
		Биометрия	Гендерно-возрастные	<i>жена, младенец, уноша, муж, старец</i>		
			Этно-религиозные	<i>агарянин, варвар, иудей, христианин</i>		
	Профессиональная		<i>врач, иконом, философ, мраморник</i>			
	Относительные	Соц. отнош.	Несубординационные		<i>друг, заступник, супостат, сосед</i>	
			Субординационные	Церковная субординация	<i>епископ, папа, пастырь, патриарх</i>	
		Светская субординация		<i>князь, раб, старейшина, слуга, начальник</i>		
Отношения родства и свойства		<i>брат, сын, поднега, сестричич, мачеха</i>				

В §2 «Общая количественная характеристика» представлены общие количественные данные, описывающие функционирования конкретных субстантивов. Всего было изучено 576 листов 4-х рукописей, в которых совокупно содержится 520 записей, из которых агиографических чтений – 240 (46,15%), дидактических чтений – 141 (27,11%), памятей – 139 (26,73%). Всего зарегистрировано 3963 нарицательные лексемы, употребленные 14081 раз, из которых конкретных лексем – 1873 (47,26%), употребленные 7430 раз (52,76%). Индивидуальные данные по рукописям представлены в **табл. 2** для агиографической части Пролога и в **табл. 3** для части дидактической, где приводятся сведения об общем количестве зарегистрированных лексем (Л) и совокупном их словоупотреблении (СУ).

Таблица 2. Общие количественные данные по лексике **агиографической** части Прологов

Век	Нарицательные		Конкретные	
	СУ	Л	СУ	Л
XV	2629	728	1509 (57,39%)	366 (50,27%)
XVI	2037	586	1307 (64,16%)	330 (56,31%)
XVII	2213	694	1447 (51,83%)	333 (47,98%)
Σ	6879	2008	4263 (61,97%)	1029 (51,24%)

Таблица 3. Общие количественные данные по лексике **дидактической** части Прологов

Век	Нарицательные		Конкретные	
	СУ	Л	СУ	Л
XV	2290	654	934 (40,78%)	260 (39,75%)
XVI	2432	664	1066 (43,83%)	288 (43,37%)
XVII	2480	637	1167 (47,05%)	296 (46,46%)
Σ	7202	1955	3167 (43,97%)	844 (43,17%)

В §3 «Особенности функционирования конкретных субстантивов в отдельных рукописях» представлена сама репрезентация выявленных ЛТГ. Количественные данные по каждой ЛТГ в конкретных рукописях отражены в серии таблиц, которую здесь можно будет опустить и привести данные по наиболее репрезентативным ЛТГ (см. *табл. 4, табл. 5*).

Таблица 4. Сводные данные (в процентах от общего числа конкретных субстантивов) по наиболее репрезентативным ЛТГ **агиографической** части Прологов

Лексико-тематическая группа	Век		
	XV	XVI	XVII
Количественно-измерительные характеристики	–	3,33	3,30
Соматонимы	8,46	9,69	9,00
Естественный ландшафт	3,82	4,54	4,80
Административно-территориальная организация	4,37	3,93	–
Профанная утварь	5,46	3,33	4,20
Сакральная утварь	–	3,63	–
Профанная архитектура и интерьер	4,37	5,15	4,50
Сакральная архитектура и интерьер	–	3,33	3,30
Оружие, орудия казни	7,92	7,27	5,70
Аксио- и агиология	3,55	4,54	4,20
Амартиология	–	3,33	–
Этно-религиозная принадлежность	7,10	5,75	6,60
Профессия	5,19	4,24	3,90
Несубординационные отношения	4,64	4,54	4,50
Церковная субординация	4,91	5,15	6,30
Светская субординация	6,55	6,06	5,70
Отношения родства и свойства	4,91	5,15	5,10

Таким образом, выделяется 12 наиболее репрезентативных групп, общих для агиографических чтений всех Прологов: «Соматонимы», «Естественный ландшафт», профанные «Утварь» и «Архитектура и интерьер», «Оружие, орудия казни», «Аксио- и агиология», «Этно-религиозные» и «Профессиональные» характеристики, «Несубординационные отношения», «Церковная» и «Светская» субординация, «Отношения родства и свойства».

Таблица 5. Сводные данные (в процентах от общего числа конкретных субстантивов) по наиболее репрезентативным ЛТГ **дидактической** части Прологов

Лексико-тематическая группа	Век		
	XV	XVI	XVII
Количественно-измерительные характеристики	5,00	4,52	5,40
Соматонимы	8,07	6,62	5,74
Естественный ландшафт	5,00	4,18	4,39
Административно-территориальная организация	3,46	–	–
Профанная утварь	–	4,18	5,40
Сакральная	–	–	3,37
Профанные архитектура и интерьер	4,61	5,57	5,06
Оружие, орудия казни	4,23	–	–
Аксио- и агиология	3,46	6,62	4,39
Амартиология	3,07	6,62	5,06
Гендерно-возрастные характеристики	–	3,13	3,04
Этно-религиозная принадлежность	8,46	–	3,37
Профессия	3,07	3,83	3,04
Несубординационные отношения	7,69	4,87	6,75
Церковная субординация	4,61	4,52	4,72
Светская субординация	4,23	5,57	5,40
Отношения родства и свойства	3,46	7,66	6,75

В дидактической части общими наиболее репрезентативными для всех Прологов являются 11 групп: «Количественно-измерительные характеристики», «Соматонимы», «Естественный ландшафт», «Профанные архитектура и интерьер», «Аксио- и агиология», «Амартиология», «Профессиональные характеристики», «Несубординационные отношения», «Церковная» и «Светская» субординация, «Отношения родства и свойства».

В §4 «Интерпретация полученных данных с точки зрения специфики проложной формы изложения» комментируются полученные количественные данные. Сравнение двух предыдущих таблиц (см. *табл. 4* и *табл. 5*) показывает, что *общими* для дидактических и агиографических чтений в плане наибольшей

представленности *одновременно по рукописям всех веков* являются 9 ЛТГ: «Соматонимы», «Естественный ландшафт», «Профанные архитектура и интерьер», «Аксио- и агиология», «Профессиональные характеристики», «Несубординационные отношения», «Церковная» и «Светская» субординация, «Отношения родства и свойства». Следовательно, для *агиографической* части таковыми, т.е. максимально репрезентативными во всех исследованных списках, являются 3 ЛТГ: «Профанная утварь», «Оружие, орудия казни», «Этно-религиозные характеристики», для части же *дидактической* – 2: «Количественно-измерительные характеристики» и «Амартиология».

Иными словами, в *агиографической части* количественно больше представлена конкретная лексика, описывающая в самых разнообразных аспектах земную жизнь святого. Ее можно объединить в следующие макрогруппы: лексика, характеризующая место действия, социальную ситуацию жизни святого, и мартирологическая, т.е. описывающая обстоятельства мученичества, лексика.

Дидактические чтения Пролога в плане наибольшей репрезентативности содержат те же самые ЛТГ, однако помимо этого здесь так же широко представлена ЛТГ «Амартиология», которую отличает от агиографии характер употребления составляющих ее единиц. Если именование грешника грешником в агиографии является обычным упоминанием качества его характера, то грешник как персонаж дидактического чтения появляется, во-первых, крайне редко, и при этом, во-вторых, повествование о нем заканчивается его покаянием. Таким образом, в изображении греха дидактическая часть действует по принципу *cum dilectione hominum et odio vitiorum*, в отношении же к проповеди святости – *in contrarium*: если агиография сосредоточена на личности святого и его мученическом подвиге (монашество же понимается как «бескровное мученичество»), то в дидактике центром назидания часто становится негативное изображение порока, от которого, таким образом, отвращается пестуемый.

Следующий немаловажный аспект – это отсутствие конкретизации. Дидактические чтения имеют своим назначением побуждение читателя/слушателя к ассоциированию содержания того или иного поучения с

самим собой. Следовательно, описываемые герои должны быть максимально обезличены в том смысле, чтобы их индивидуальность можно было совместить с любой другой индивидуальностью. Иными словами, если дидактическое чтение и содержит какую-либо историю, вырисовывается она как обобщенное повествование, хотя бы иногда персонажи и имели имена (чаще всего не подлежащие идентификации).

В заключении подводятся итоги исследования.

В работе было дано обзорное представление о сущности и истории функционирования Пролога, который входил в круг востребованных литературных жанров и занимал одно из ведущих мест в духовной жизни русского человека. Кратко напомним его специфику: предельная краткость изложения; предельная емкость (образная, семантическая, дидактическая) изложения; ориентация на самый широкий круг читателей/слушателей; дидактизм (как в собственно дидактической части, так и в житиях, повествованиях евангельской и церковной истории и пр.).

Для реализации основной жанровой задачи (наставление посредством сообщения) составитель проложного чтения имел в арсенале ресурсов только: (а) язык, зачастую отличный от разговорно-бытового языка читателя (и с течением времени различия только усиливались) и (б) текст, причем сравнительно небольшой, подразумевающий возможность многократного обращения к нему. Соответственно, наибольший интерес представляет то, каким образом и в какой мере лингвистические средства (в частности, лексические) способствуют реализации этих задач (сообщения и научения).

Прежде всего, необходимо было изучить непосредственный круг чтений, содержащихся в исследуемых Прологах, а именно: выявить входящие в состав указанных Прологов чтения и сравнить непосредственно состав конкретных рукописей. Соответствующие данные по техническим соображениям вынесены в раздел приложений, здесь же важно отметить, что результатом такого сравнения, в частности, стала возможность реконструкции наиболее полного состава рукописи, являющейся древнейшей в собрании библиотеки

ННГУ им. Н.И. Лобачевского, – чтения за август месяц Пролога XVI в. (ФРЦИ ФБ ННГУ, № 933757), а именно: хранящаяся в собрании Свято-Троицкой Сергиевой Лавры рукопись простого Пролога XVI в. (НИОР РГБ, ф. 304.I, № 719) имеет не только одинаковую с нижегородской рукописью датировку и принадлежит одной редакции, но также содержит одинаковые с ней языковые особенности и особенности организации составляющих ее чтений (также для обеих рукописей совпадающих).

Методом сплошной выборки с применением элементов компонентного анализа был выделен интересующий нас сегмент лексического корпуса исследуемого памятника, т.е. имена существительные с конкретным значением. На данном этапе исследования удалось установить, что рукопись стихного Пролога из собрания Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, датируемая 1429 годом, содержит широкий спектр языковых фактов на разных языковых уровнях, которые могут быть объяснены ориентацией составителя/переписчика на южнославянский текст. В частности, привлечение южнославянского (болгарского, сербского, македонского) языкового материала позволило прояснить некоторые темные места рукописи, и в первую очередь – именно в области лексики.

Извлеченная из проложных чтений лексика с учетом историко-культурной и религиозно-философской специфики памятника была организована в 31 ЛТГ, не каждая из которых, как было установлено, во-первых, оказалась представлена во всех исследованных рукописях и не для каждой из которых, во-вторых, в тексте Прологов отыскиваются гиперонимы, т.е. в некоторых случаях иерархические отношения между имеющимися ЛТГ оказываются не эксплицированы лексически.

Элементарный количественный анализ выявленной лексики показал, что количество имен существительным с конкретным значением в агиографической и дидактической частях Прологов оказывается приблизительно одинаковым в хронологически отстоящих друг от друга рукописях, притом в продвижении по диахронической оси существующие незначительные отклонения имеют тенденцию к нивелированию.

После *общего* количественного анализа субстантивов была рассмотрена репрезентация *непосредственно* выявленных конкретных *лексико-тематических групп* во всех августовских чтениях Прологов, т.е. как в агиографической, так и в дидактической частях. Полученные данные позволяют утверждать, что наиболее репрезентативным для Прологов является определенный набор ЛТГ, которые пересекаются в довольно широком спектре. Так, общей для житий и поучений оказывается лексика, обозначающая (1) социальную характеристику человека, (2) социально-бытовую и (3) историко-культурную характеристику окружающей человека среды. То есть, помимо *тенденции к изоморфизму* между агиографией и дидактикой в плане *количественной* характеристики функционирования конкретной лексики, можно наблюдать *факт изоморфизма*, тождества на уровне *содержательном*, что говорит о единстве общей магистральной установки назидания.

В то же время в плане максимальной репрезентативности тех или иных ЛТГ между агиографической и дидактической частями Пролога имеются различия, а именно: для агиографических чтений наиболее актуальными являются, помимо уже упомянутых, социально-бытовые характеристики (утварь: *ссуд, керемида, лендие* и др.; орудия казни: *меч, уза, нож* и др.; катойконимика: *варвар, перс, христиана* и др.), тогда как в чтениях дидактических широко представлена амартиологическая (*тать, подпега, чародей* и др.) и темпоральная (*день, лето, час* и др.) лексика. Это может быть объяснено собственно спецификой каждой из частей. Так, проложная агиография, как и Минологий вообще, представлена в основном маририями и в значительно меньшей степени биосами; учительные же статьи, если и изображают некую историю, представляют ее наиболее обобщенно. Из этого можно заключить, что репрезентативность определенных ЛТГ тематически детерминирована и коррелирует с тематикой чтений: обстоятельства детства и взросления ~ термины родства, катойконимы (*сия бяху от прадеда христиане* и др.); взрослая жизнь ~ профессиональная лексика (*Минеон древодель бе, прочии же земледельци* и др.), термины субординации (*Лукий бе первый светник града и стольник гемону* и др.), обозначение утвари, архитектуры и

интерьера (*приведе ю в монастырь и затвори в храмине и заби двери звоздием и сотвори оконце и др.); мученическая кончина ~ оружие и орудия казни и многочисленные упоминания соматонимов (*связаши ему руце под колена по сих же млаты железными лыста ему скрушиши, и ногты острыми острогаша тело его до костей и пазухи свещами опаливши и рожны очи избодоша и мечем главу отсекоша и др.).**

Вместе с тем необходимо указать и на специфику функционирования лексики, составляющей общее с агиографической частью ЛТГ. Если житие предоставляет историческую картину (конкретный святой обязательно упоминается по имени, часто имеется указание на род деятельности и/или социальное положение, сообщается о характере смерти), то поучение предлагает читателю персонажа виртуального (*бъше в Константине граде человек славен зело ... и откры Бог некоему затворнику, где пребывает человек той и др.), но обязательно соотносимого с самим читателем. В свою очередь, максимальная реалистичность в таких назидательных чтениях достигается упоминанием конкретных мер времени и пространства (в ЛТГ количественно-измерительных характеристик указанные параметры составляют подавляющее большинство, ср: *жена некая ... слышавше о отцы Лунгине ... седяше же в 9 знамений от Александрии, весь есть ... в 15 поприщ от Константина града, в той бе некто поп чародей и др.).**

Другой особенностью дидактических чтений является значительное внимание, уделяемое лексике амартиологической. Если агиографическая часть преподает позитивную сотериологию, то дидактика действует по принципу «от обратного»: грех и порок упоминаются только для последующего призыва к отвращению от него (*не внидут в Царство Небесное ни прелюбодейцы, ни блудницы, ни татие, ни клеветницы, ни пияницы, ни мздоимцы и др.). При этом разнообразные наименования грешников так же виртуальны, как и вышеупомянутые характеристики возраста, пола и пр., тогда как греховность персонажа агиографического чтения есть его постоянный атрибут (как, например, *иконоборец*, ставшее даже когноменом императора Льва III Исавра, или*

наименования противников христиан, наименования которых, кстати, в исследуемых рукописях содержатся только в агиографических чтениях: *еретик, лжеучитель, кумиролобец, идолослужитель* и др.).

Итак, агиографическая часть содержит больше “детализирующей” конкретной лексики: описание быта, характеристику окружения, информацию о месте жизни и, наконец, обстоятельствах смерти (как правило, мученической) святого. Дидактическая часть, наоборот, оперирует “обобщающими” конкретными субстантивами (*некто мних, един от старец, некий отрок, едина жена* и т.п.): из обычной, хотя порой и вымышленной, но всегда, тем не менее, возможной, ситуации создается именно притча.

При учете предназначения Пролога деление на агиографическую и дидактическую части представляется в известной степени условным, ибо и жития несут в себе поучительный посыл. В этой связи следует указать и на то обстоятельство, что житие создается по образцу Евангелия, которое не изобилует подробностями (если не брать в расчет апокрифы). Все первообразы, как-то: чудесные обстоятельства рождения, необычность поведения в подростковом возрасте, подвиги зрелости и, в большинстве наших случаев, мученическая смерть, – содержатся именно там. Однако житие создается не для памяти и информации, но ради научения. Читатель в жизни святого должен видеть мерило праведности и стимул к ней. Поэтому и жизнь святого не должна отстоять от жизни обычных людей, то есть не должна быть нарочито схематичной, обезличенной. Для того и вводится описание быта святого, и здесь конкретная лексика служит орудием (разумеется, не единственным) превращения жития в биографию (равно как и в дидактической части событие перерастает в притчу). В понимании восточного христианства, святой – это земный ангел и небесный человек, и, помимо внимания к его подвигам как к доказательству “небесности”, важно доказать и его “земность”.

Таким образом, агиографическая часть конкретными субстантивами обращается чаще к *месту* (1) и его *детализации* (2), притом рассматривая человека как *субъекта отношений* (3); дидактическая же часть – ко *времени* (1) и

к человеку «изнутри» (2), то есть именно как к личности в ее самодостаточности, что выражается в общих определениях, в основном, возраста/пола/наличия схимы, и гораздо более частом обращении к *амартиологии* (3). Иными словами, агиография описывает отношения человека и человека, а дидактика – человека и Бога, но и те, и другие отношения подчинены единой установке проложных чтений – сотериологическому назиданию. В агиографической части в этом смысле разворачивается практическая картина – конкретный пример идеального варианта спасения, то есть достижения святости, катафатическим путем; дидактическая же часть предлагает картину теоретическую, то есть *minimum minimorum* – призыв к апофатической праведности, благочестию или хотя бы стремлению к ним.

С этой точки зрения изоморфизм тематической организации лексики и репрезентативность наличествующих ЛТГ указывают на когнитивную соотнесенность обеих частей Пролога в особенностях изображения персонажей, которую можно считать одной из характерных черт проложного чтения как особой формы изложения.

В **приложениях** помещаются указатели чтений рукописей (**п. 1**), перечни использованных шрифтов (**п. 2**) и список зарегистрированных лексем (**п. 3**).

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях:

Публикации в научных изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Большаков А.Д. Некоторые особенности функционирования конкретных субстантивов в рукописном славянском Прологе XVI в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6(2). С. 39–42.
2. Большаков А.Д. О принципах составления словника к Прологу XVI в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. №4. С. 205–507.
3. Большаков А.Д. Функционирование конкретной лексики в агиографических и дидактических чтениях рукописных Прологов XV – XVII вв. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 8(62): в 2-х ч.: Ч. 1. С. 84 – 88.
4. Большаков А.Д. Сравнительный анализ двух списков славяно-русского Пролога: к проблеме реконструкции состава // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. №5. С. 244 – 247.

Публикации в иных изданиях:

5. Большаков А.Д. О составлении словоуказателя к рукописи Пролога XVI в. // Материалы докл. XIX Нижегородской сессии молодых ученых. Гуманитарные науки. – Нижний Новгород, 2014. С. 114 – 116.
6. Большаков А.Д. Южнославянизмы в рукописи стишного Пролога XV в. // Аксиология славянской культуры: международный сборник научных статей молодых ученых, аспирантов, студентов. – Нижний Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2016. С. 9 – 18.
7. Большаков А.Д. Человек в призме проложных чтений (по материалам конкретной лексики Прологов XV – XVII вв.) // Наука. Мысль. – 2016. – № 11; URL: wwenews.esrae.ru/48-625 (дата обращения: 02.12.2016).

Подписано в печать 6.02.2017 г. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 1,2. Заказ № 97. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ННГУ им. Н.И. Лобачевского.
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37